Я живу в ту войну. Поисковые рассказы

Алексей Ивакин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вышли 17 февраля в сборнике "В окопах времени" издательство Яуза.

-
- 1. ЗАХОРОНЕНИЕ
- 2. ПОИСКОВЫЙ СИНДРОМ
- 3. ПЕРВЫЙ МЕДАЛЬОН
- 4. ПОСЛЕ ВОЙНЫ
- 5. ПОИСКОВЫЙ БЫТ
- 6. ПОИСКОВЫЕ ДЕНЬГИ
- 7. РАБОТА. ТАКТИКА
- 8. ЧЕРНЫЕ ПОИСКОВИКИ
- 9. ПОИСКОВОЕ ЖЕЛЕЗО
- 10. ПОИСКОВАЯ МИСТИКА
- 11. ПОИСКОВЫЙ БАРДАК
- 12. ПОИСКОВИКИ И МИЛИЦИЯ
- 13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не убит подо Ржевом.
Под Москвой не сгорел.
Не тонул под Одессой.
В Сталинград не успел.
Не дошел до Белграда.
В Туле я не стонал.
И под Старою Руссой
Без вести не пропал.
Не исчез в Бухенвалъде.
Под Демянском не лег.
Не растоптан под Курском.
И под Брест я не смог.
В Ленинграде не умер.
И в Керчи не кричал.
Не замерз под Рыбачъим.
И в Берлин не попал.
Не целован я пулей.
Но от пули болит.
Я к войне прикоснулся.
И я тоже убит.

Однажды я поехал в «Поиск»... Впрочем, об этом позже.

Хочу предупредить, что рассказы будут жесткие, нелицеприятные и многие на меня обидятся. Что ж, это мое мнение. Если вы не согласны — пишите свое.

И начну я с того, чем Вахта заканчивается...

1. ЗАХОРОНЕНИЕ

Странное дело. Когда работаешь — кости воспринимаются абсолютно нормально. Ну кости и кости. Иногда белые, иногда черные. Чаще почему-то рыжие. Кости и кости, да... Никаких эмоций особых нет. Пустота в душе... И эта пустота взрывается на кладбище.

Синявино, 2009.

Огромная могила. Вырыта экскаватором. Около сотни гробов. В них наши деды — мальчишки и мужики. Пятьсот сорок девять человек.

Только там начинаешь понимать, что это не кости, не останки — люди.

И странное, мистическое ощущение, что они вот тут.

Несешь гроб к могиле. И чувствуешь руки тех, кто там в гробу. Они помогают нести...

Опускаешься в эту огромную яму, устланную лапником. Ставишь гробы — один на другой. Потом идешь обратно.

Они тебя ведут. Словно подталкивают в спину: «Мы — мертвые. Не место тебе тут, живому».

Я ощущал их прикосновения на своих плечах.

Они словно извиняются.

Они себя виноватыми считают — за то, что не смогли вернуться к своим мамам, к своим женам, к своим девочкам.

И я себя виноватым считаю.

Пятьсот сорок девять парней. Опознанных — человек пятнадцать.

Я ни одного не опознал...

Лезно. 1996.

Котелок, вывернутый взрывом наизнанку. Весь в дырах от осколков.

Восемнадцать фамилий на нем... «Иванов, Кузнецов, Переходько, Хуипбергенов, Штильман...» Не помню сейчас всех. Не помню и где этот котелок. Знаю: эти фамилии сейчас на памятнике в умирающей — или уже умершей? — деревеньке Лезно. Это под Чу-дово. Новгородская область.

Восемнадцать фамилий...

Один из вас, один из восемнадцати — лежит в гробу. Кто ты, брат?

Представить только... Один котелок, переходивший из рук в руки восемнадцать раз... Как это? Брать в руки котелок из руки убитого друга? Как его отмывать от крови?

Не узнать никогда. Пока сам не лягу в землю — не узнаю.

Я верю, что мы встретимся там. Я верю. Мы еще выпьем, мужики!

Демянск. 1999.

Дождь такой, что мы соскальзываем в могилу. Падаем туда. Вместе с простыми сосновыми гробами. Весь вечер перед этим опаляли их паяльными лампами. Чтобы было красиво.

Они смеются нам черепами из гробов. Смеются над нами. Им все равно так-то — в каком гробу лежать! Но приятно, почему-то знаю. Домовина все-таки...

Извините, мужики. Почему я чувствую свою вину перед вами?

Почему я не с вами?

Шатаюсь, как пьяный. В глазах темно. Ничего не вижу. Только могилу и гробы, гробы, гробы...

Севастополь. 2008.

Мы прощаемся с ними, когда складываем мешки с людьми в багажники двух легковушек. Гробов не будет. Могил не будет. Ждите, мужики, до весны. Тут, в Украине, бестолковые законы. Надо вызывать ментов к месту находки костей, заводить уголовное дело по факту убийства. Проводить экспертизы. Потом уже хоронить, когда будет доказано, что ЭТО останки времен войны. Этим займутся уже местные поисковики. Мы же граждане другого государства. Впрочем, пацаны, которых мы складываем в багажники — воевали за всех. В том числе и мужик с Первой Крымской войны. Из двадцать пятого Смоленского пехотного полка.

Жаль — не смогу бросить землю вам на гроб. Поэтому — украдкой, так чтобы никто не видел — кладу две сигареты в украинский багажник немецкого авто, пахнущий русским бензином.

Синявино. 2009.

Экскаватор накидал земли. Оформили квадрат могилы лопатами. Через год поставят памятник. Наверное. Если денег хватит...

Встаем на колени. Двести человек.

Запеваем...

Выпьем за тех, кто командовал ротами, Кто умирал на снегу, Кто в Ленинград пробивался болотами, Горло ломая врагу.

Тихо поем...

Слеза сбегает по щеке. Кто-то рядом тоже всхлипывает. Не могу больше. Отхожу в сторону. Сажусь на краю немецкой траншеи, куда они так стремились. Закуриваю. Потрясывает.

Будут навеки в преданьях прославлены Под пулеметной пургой Наши штыки на высотах Синявина, Наши полки подо Мгой.

Меня уже трясет. Начинаю реветь, как мальчишка. Слезы душат. За спиной тихий разговор:

— Заколебали эти поисковики. Всю церемонию поломали. Давай уже венки положим и бухать пойдем, а?

— Подожди, допоют. Нехорошо как-то...

— Да хрен с ними! Варвара Тимофеевна — дай команду на фейерверк!

Оглянулся. Прищурился. Стер влагу со щек. Стоят чиновники и депутаты, нетерпеливо топчутся с цветами в руках. Им коньяка хочется. У них палатка стоит — сервелатик, водочка «Финляндия», коньячок «Реми Мартен»...

Зацепились взглядом с каким-то замом. Он быстренько отвернул свою красную рожу. Бляха муха, это ведь штамп — толстый полупьяный потеющий чиновник. Хорошо, что я лопатку в рюкзаке оставил...

Выпьем за тех, кто командовал ротами, Кто умирал на снегу, Кто в Ленинград пробивался болотами, Горло ломая врагу.

Песню прервал залп салюта. Красиво. Празднично. Музыка красивая. Млять...

Идем к столикам. Власти расщедрились на 100 грамм наркомовских. Подхожу три раза. Водка не цепляет. Правда, тряска проходит.

Чиновники пьют в торговой синей палатке. Рядом биотуалет. Рядом с могилой. Мужики лежат, а души их уходят на восток. Я не вижу, но чувствую. Меня отпускает. Меня отпускают.

До свидания, мужики!

Мы идем с кладбища в Синявино в Кировск. Девятнадцать километров. Пешком. У властей нет денег на автобусы...

2. ПОИСКОВЫЙ СИНДРОМ

Давно известный психологам и психиатрам послевоенный синдром. Возвращается боец с войны.

И начинает пить.

Потому что никому не может объяснить — что это, когда собираешь куски друга в ведро.

Потому что ты жив — а он нет.

И ты не можешь смотреть в глаза людям, ты изо всех сил хочешь вернуться туда — в смерть, в ненависть, в страх.

В жизнь.

Потому что тут — слабое подобие жизни. Тени вокруг. Ненастоящие тени. Полупрозрачные персонажи...

И та ночная девочка под рукой, отчаянно пытающаяся вернуть тебя в «реальный» мир, — тоже тень.

Ты навсегда остался там.

Странно, но у поисковиков бывает такой же синдром.

Я не могу без слез смотреть фильмы о войне. Я не могу слышать военные песни. Я не могу читать о войне. Я не могу о ней рассказывать — свожу все к шуткам и хохмам. Начинает болеть сердце. Я не хочу больше на войну.

Но я смотрю эти фильмы, пою эти песни, читаю эти книги.

И пишу сейчас эти рассказы.

Потому что я возвращаюсь туда снова и снова.

Каждый день. Каждую ночь.

Сегодня снилось — как я ложусь под танк с гранатой. Это не мой сон.

Я — книжный мальчик. Я вырос в семидесятые-восьмидесятые.

Мы не знали войну. Мы не знали слова «Афган».

Война была киношной и книжной.

Мы выросли и попали в Чечню. Мой друг вернулся оттуда седым. Это от него я узнал, что самое страшное на войне — минометный обстрел.

Но я-то же не был на войне!

«Поиск» — это не война! Это память о войне!

Мы поем песни, пьем водку, ржем друг над другом и кидаем в костер патрончики.

Почему мне снятся чужие сны?

Я танки видел только в музеях и в кино.

Был сон — я прощаюсь с какой-то девочкой в черной комнате, а за ночным стеклом — полоски прожекторов. И я знаю, что мы больше никогда не встретимся. Ее убьют на фронте. И меня тоже

убьют.

Просыпаюсь от того, что пытаюсь крикнуть, но не могу. Только мычу. Встаю, шлепаю босыми ногами на кухню. Ставлю чайник. И пью водку. Потом жадно курю в туалете. И так же жадно читаю мемуары наших ветеранов. «Я дрался с панцерваффе», «Я дрался на Ил-2...», «Я дрался...». Они дрались.

Но я-то не дрался! Откуда такие сны?

Поисковый синдром...

После первой своей Вахты я приехал на студенческий турслет. И — честное слово! — я не понимал, разве можно вот так просто сидеть у костра и петь веселые песни? Они же там лежат и ждут! Нажрался так, что кинул гранату в костер.

Не пугайтесь. Она была без взрывателя. Лимонка. С толом, правда. Абсолютно безопасное развлечение. Тол прогревается, плавится, закипает, начинает гореть. Из дырочки начинает вырываться пламя, как из сопла ракеты. Гудит! Страшно гудит! Студенты разбегаются по кустам. Я пьяно ржу.

Две лимоночки — восьмилитровый котел вскипает за пять минут. Если РГ — штук пять надо. Правда, вода покрывается темной пленочкой сгоревшего тола...

А потом я выпил еще и упал без сознания.

Выгоревшую лимонку кто-то стырил.

А один придурок из наших, из поисковиков, как-то кинул такую пустую — выжженную — гранату в окно машины. Только за то, что водила деньги с него стал требовать за проезд.

Менты потом в общагу приехали, обыски устраивали. Ничего не нашли. К тому времени мы уже все что можно бахнули. А его утащили в другую комнату, закрывая рот потными ладонями, чтобы не было слышно:

— самки собаки! самки собаки! Сукиииии!!!!!!!!!!!!

Поисковый синдром...

Я не знаю — что это такое.

Я его только описать могу.

Это когда ты после посещения Поклонной горы уходишь в кусты, садишься на корточки и начинаешь выть сквозь зубы, как собака, сквозь слезы.

Это когда после услышанной случайно немецкой речи идешь к ближайшему ларьку и покупаешь любую спиртосодержащую жидкость, лишь бы покрепче.

Это когда ты не можешь играть за немцев в компьютерные игрушки, потому что не можешь убивать своих.

Это когда двадцать второго июня в четыре утра ты идешь с двумя сигаретами к Вечному огню.

Я знаю, как избавиться от него.

Не ездить на Вахту. Забыть.
Не хочу избавляться... Не хочу забывать. Знаю, что болен.
Ну и что?

3. ПЕРВЫЙ МЕДАЛЬОН

Случайно я туда попал, случайно. Случайно и не случайно. Как, впрочем, все в нашей жизни.

Старый друг позвонил. Юра Семененко. Мы с ним на лыжах по Северному Уралу ползали. Туристы!

— Леха, хочешь на «Вахту Памяти» скататься?

— А что это?

— Как поход, только интереснее.

— Если с работой договорюсь...

— Тебе командировку сделают!

А я тогда работал на станции юных туристов. Педагогом.

— Ну, если в командировку...

А чего бы не поехать?

Дорогу оплачивают, там кормят за счет принимающей стороны, еще и командировочные дают!

Из-за командировочных и поехал, честно говоря. Зарплату в том году давали плохо. Вернее, вообще не давали. В сентябре девяносто пятого года дали. Следующая — июнь девяносто шестого.

— Это куда ехать-то?

— Новгородская область.

— Отлично!

Отряд собрал за пару дней. Все в первый раз едем! Туристы, впрочем, опытные. Ходить с мешками на горбах умеем! Мастера, чо, спорта...

Первый шок был в электричке Волховстрой — Чу-дово.

Каски на деревьях.

Ржавые каски на зеленеющих деревьях. На ветвях висят...

Выходим. Деревенька Лезно.

Ее никто не знает. Просто деревенька. Три с половиной дома. Двухэтажная пустая школа. Бабка на завалинке. Дедок — колет дрова. Смотрит нам вслед из-под руки.

Мы идем мимо гурьбой с рюкзаками, сумками и коробками армейских миноискателей. Хихикаем друг над другом.

Оглядываюсь.

Бабушка тоже смотрит нам вслед. Молча. А на столбах, держащих забор, снова каски. У нас — на Вятке — старые ведра вешают. Чтобы столбы не гнили. Тут каски.

До леса, в котором будем жить и работать три недели, километр по полю. Ровное такое поле. Давно непаханое. Некому. Почти все, кто тут жил, — умерли. Или уехали.

Заходим в лес.

Какие-то ямы кругом.

Воронки, траншеи, ячейки, окопы, блиндажи…

Живого места практически нет.

Местные поисковики встречают. Матерые такие. Все в камуфляжах. Мы-то в обносках туристических. Прожженные штормовки, старые штаны… Показывают место — где встать.

Даю команду распаковаться. Сам иду к командиру экспедиции. Лена Марцинюк руководит чудовским отрядом.

Многие терпеть ее не могут. Жесткая, грубая порой, сильная женщина. А руководить бандой в тридцать вечно бухих рыл по-другому не получается… Но это я вперед забежал.

Оказывается, мы стоим на так называемом Лезнинском плацдарме.

Зимой сорок второго эта история началась…

Из воспоминаний А. Белова, участника тех событий:

«…В день нового года, 1 января 1942 г., был получен приказ 59-й армии, где нашей дивизии была поставлена задача: сосредоточить силы к исходу 2 января 1942 г. в районе Гачево, Погрелец, в готовности с утра 3 января 1942 г. наступать в направлении Водосье и овладеть к исходу дня высотой западнее Лезно, Водосье. В ночь со 2 на 3 января поступило распоряжение штаба о переносе наступления на 6 января, что дивизия усиливается 163-м отдельным танковым батальоном, отдельным лыжным батальоном и 105-м гвардейским минометным дивизионом.

Эти три дня, отведенные дополнительно для подготовки наступления, были использованы для вскрытия системы обороны противника и организации взаимодействия между пехотой, артиллерией и танками.

Противник оборонял западный берег р. Волхов, но наши войска имели небольшие плацдармы. Первая позиция обороны противника состояла из опорных пунктов, основу которых представляли дерево-земляные огневые точки для пулеметного расчета или противотанковых орудий, соединенных между собой траншеями.

Из-за плохого состояния путей подвоза артиллерия и минометы к началу артиллерийской подготовки имели менее половины снарядов и мин.

Утром 6 января началась артиллерийская подготовка, длилась она около 30 мин., но система огня обороны противника была подавлена только частично.

По сигналу с КП командиров полков пехота и танки дружно пошли в атаку. Первые минуты со стороны противника огня не было. Правда, дивизион гвардейских минометов в это время

делал залп по глубине обороны противника. Немцы очень не любили залпы «катюш», после их залпов они первое время боялись себя показывать, огня не вели.

Примерно через10—15 мин., когда наши передовые цепи ворвались в первую траншею противника, застрочили пулеметы. Наша пехота стала нести потери и залегла. Им на выручку под губительным огнем шли сибиряки, но момент был упущен, части несли большие потери. К общему несчастью в этот день мороз доходил до 37 градусов. Многие раненые замерзали, а санитары не справлялись с выносом раненых, да и они сами несли большие потери.

Когда к вечеру начался снегопад, да и начало темнеть, командир дивизии полковник Дорофеев приказал отвести пехоту в исходное положение. Танки прикрывали огнем отход пехоты.

Утром 7 января после короткой артиллерийской подготовки части и дивизии снова перешли в атаку. На этот раз батальону 1256-го стрелкового полка под командованием ст. лейтенанта Соколова с ротой танков 163 ОТБ удалось захватить опорный пункт противника восточнее деревни Лезно.

Ночью с 7 на 8 января наступление наших частей продолжилось. 1256-й стрелковый полк овладел д. Лезно, а батальон 1258-го стрелкового полка достиг восточной окраины д. Водосье. Бои продолжались день и ночь беспрерывно, но успехи были незначительными. Дивизия выполнила задачу, поставленную командующим армией, но ценой больших потерь личного состава...»

Весной же на плацдарме остался батальон капитана Александра Ерастова.

Представьте себе.

Лес. Километра три в глубину и шириной километра четыре. Сзади Волхов в разлив — метров триста. Впереди — железная дорога. На насыпи сидят немцы.

Подвезти пополнение и боеприпасы практически невозможно. Обстрел такой, что только ночью умудрялись доставить продовольствие и забрать часть раненых.

Немцы шли в наступление с трех сторон.

За неделю батальон там лег весь.

Весь — это совсем весь. Без раненых и пленных. Не было пленных...

Вышло два человека.

Один — младший лейтенант, раненный в челюсть, переплыл трехсотметровый ледяной Волхов ночью.

Второго через пару дней подобрали разведчики на косе, что по немецкому берегу.

Остальные погибли мужицкой смертью.

Бои местного значения...

Ты, читатель, скажешь, что эти бои были бессмысленны?

Немцы там потеряли до полка — ПОЛКА! — эсэсовской пехоты.

Знаете, в чем разница между немецким полком и нашим батальоном?

Еще больше, чем вы думаете.

Сравним стрелковую дивизию РККА и пехотную вермахта:

	сд РККА	пд вермахт	Соотношение
Личный состав (чел.)	10 858	16 859	1:1.55
Винтовки, карабины	8341	10 691	1:1.28
Пулеметы, автоматы	468	1380	1:2.95
Минометы	78	138	1:1.77
Орудия полевой артиллерии	36	74	1:2.06
Орудия противотанковой артиллерии	18	75	1:4.17
Зенитные орудия	10	12	1:1.2
Автомобили	203	902	1:4.44
Вес одного залпа (кг)	547.8	1660.6	1:3.03
Суммарное соотношение			1:2.48

Думайте дальше сами.

В ярости от потерь вешали убитых уже красноармейцев на соснах, росших на берегу Волхова. Днем стреляли по ним. Чтобы те из наших, кто был на восточном берегу реки — боялись.

Я видел эти гигантские сосны...

В одной из них малая саперная лопатка, вросшая на высоте трех метров от земли.

Иду обратно. Рита Малых сидит бледная, как смерть. Ставили палатку — воткнула колышек в землю. Попала в мину-восьмидесятку.

Все сделали по инструкции, огородили место ВОПа — взрывоопасного предмета — бинтами. Вызвали саперов из Пушкинского военно-инженерного училища — они рядом стояли.

Саперы поржали и объяснили — мина не прошла через ствол, поэтому ею можно гвозди заколачивать. Мы еще не знали этих

хитростей... Научимся.

Пока отряд работает по обустройству лагеря, мы с Лехой Винокуровым идем копать. Интересно, черт побери, аж руки дрожат!

Чудовские поисковики нам показали, с чего начинать.

«Вон две ямы, видишь? Там, скорее всего, санитарное захоронение. Идите, копайтесь!»

Ага... Я потом так же прикалывался. Эти ямы — разводка. Там до нас копались уже не один раз.

Но мы взяли саперные лопатки и стали учиться работать.

Копали до темноты.

Нашли три осколка.

И кости!!

Лошадиные, бляха муха...

Ребята из Чудово сидели рядом, курили, пили и комментировали:

— Ниже копайте. В полный рост.

— Вот там копни, видишь, земля ржавая!

— Осколок! Ну, молодцы, поздравляю!

— Гы... Это лошадиная кость. Причем обглоданная.

— Ну ни куя себе!!!!!

— МЕДАЛЬОН!!!!

Вот так вот! Мы нашли в пустом, перерытом десятки раз окопе — медальон!

С бумажкой!

Леха отворачивает лопатой очередной пласт земли, шарит руками в мокрой глине...

— Это что? — недоуменно вертит он в руках черную эбонитовую палочку.

Чудовские аж подпрыгнули.

И бумажка внутри...

Вечером открыли. Пустая, твою мать!

Нет ничего обиднее, чем пустые медальоны...

На самом деле — главная цель Вахты — это поиск вот этих черных смертных пеналь чиков.

Не знаю — сколько я нашел. Сбился со счета.

Перестал считать после второго медальона.

Там же. В Лезно.

Лешка Калимов. Из Архангельска. Бумгородок. Жена еще в записке была, Ксения, кажется. Впрочем, могу ошибаться. Не

помню уже. А документов рядом нет.

И было ему в сорок втором — тридцать восемь лет.

Не знаю, какой он был.

Фотографий нет. Родственников не нашли.

Черные кости в руках — и все. Почти ровесник... Мне тридцать шесть, пока...

Ну, там еще личные вещи. Ложка, бритва, котелок...

Вы спросите — куда мы их деваем?

А куда их деть?

Если родственники есть — им передаем. Если нет...

Дома храним.

Да. С могилы. Чужие это вещи.

Но выбросить... Рука не поднимается.

Если оставить на могиле, скажете вы? А знаете, кто их потом продаст?

Впрочем, я о медальонах...

Повторюсь. Самое обидное — пустой медальон.

Водос. 1998 год.

Подымаю бойца. Осколки медальона, разбитого пулей... Сгнила записочка...

Это ерунда, что их не заполняли и выбрасывали.

Вот ты, читатель, ты бы выбросил весточку домой?

Последнюю весточку?

Я бы нет.

Заполняли. Мы нашли как-то патрон странный. Пулю боец достал, порох высыпал и, перевернув ее, вставил обратно.

А внутри самодельная записка.

Просто многие заполнялись химическим карандашом. Или чернилами. А они имеют свойство растворяться в болотах.

Обычный карандаш не растворяется.

Перед тобой миска с водой. Суешь туда чистый листок бумаги. Туда осторожно вытряхаешь записку. Потом двумя иголочками осторожно — миллиметр за миллиметром — разворачиваешь ее в воде, распрямляя на бумажном листе. И пытаешься разобрать почерк.

А вот еще...

Если записка пуста — ни в коем случае не выбрасываешь. Когда приедешь домой — она высохнет к тому времени, — сканируешь и в «Фотошопе» делаешь перевод в негатив. И на черном видны элементы продавливания ручкой...

Жаль, что у нас в девяносто шестом не то что «Фотошопа», компьютеров-то не было...

Севастополь. 2009.

Поднимаем бойца. Верховой. То есть лежит на камушках. Сверху тонкий слой мха.

Сережка Ширшиблев его поднимает. Я мимо иду к своему бойцу. Отлить ходил, ага... И чего-то нога в ботинке зачесалась. Нагибаюсь — медальон перед глазами.

Пустой. Крышка снята. Рядом валяется.

Послали домой похоронку в сорок четвертом. Но не похоронили. Мекензиевы горы. Второй кордон.

Порой вместо медальона бывает — ложка, кружка, фляжка, бритва, котелок...

Про один котелок я уже рассказывал.

Вот про второй.

Демянск. 1999.

Поднимаем бойца. Немецкая ложка. Немецкий котелок. Немецкий ремень. Немецкая фляжка. Трехлинейка. Наши ботинки. Граната — колотушка (Немецкая). И все.

Из косточек — бедренные, лучевые, немного ребрышек, две ключицы, кусочки черепа.

На котелке выцарапано — «Ваня». Крупно так выцарапано... А на фляжке — «Ханс». Тоже крупно...

Кто ты, боец?

Ты русский Ваня? Ты немецкий Ганс?

Мне уже без особой разницы.

Подняли. Положили в полиэтиленовый мешок. Унесли. Похоронили потом.

Вместе со всеми. С нашими.

Медальоны...

Вот вы над фильмом «Мы из будущего» ржете...

Правильно и делаете. Сказка.

А вот Толик Бессонов тезку поднял как-то.

Медальон читаем — «Красноармеец Бессонов...»

Толик тогда в лес ушел один. Часа два его не было.

Все-таки — одно дело косточки в руках безымянные держать, другое — видеть потом фотографию того парня, который тебя спас.

Он меня спас, чтобы я пил немецкое пиво и ходил на

айренбля-пати...

И правильно сделал, потому что жизнь продолжается, потому что нам надо жить и ходить на эти пати, и пить пиво, и делать детей...

Он делал то же самое.

Работал, пил, веселился, делал детей...

Только он еще смог спасти меня. А я так никого и не спас. Я просто ищу эти маленькие черные пенальчики, чтобы вернуть двоюродному внуку личные вещи никогда не знаемого им деда...

Вообще-то их на самом деле мало.

Один к СТА.

То есть на сотню найденных бойцов — один медальон. ОДИН!!!

Из десяти медальонов — читаемы в лучшем случае пять.

Вот и считайте.

Только не надо делать вывод, что у нас потерь было «стопиццот мильенов».

Потери были примерно одинаковые что у нас, что у немцев.

В 41–42 — мы больше теряли.

В 44–45 — они.

Это война.

Да. Наших больше лежит на полях в России. А в Германии немцы так же лежат. Немцы сорок пятого года.

А некому было хоронить. Просто некому. Не до этого было. Надо было дома заново строить.

Это наш русский характер такой.

Биться до смерти, а там будь что будет.

Вы представляете, что творилось там, от Москвы до Берлина после войны? И творится...

Впрочем, это уже другой рассказ...

4. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

А после войны некому было хоронить.

Представьте себе — городок Чудово. Маленький такой. На таких городках стоит Россия. Нет, не правильно...

Россия — это такие городки.

Вот так правильно.

Там пьют самогон, курят «Приму», бьют по пьяни жен, делают для нас с вами «сникерсы» и «марсы».

Там фабрика «Кэдбери».

И еще пара школ, дом-музей Некрасова и вокзал.

И еще филиал Сбербанка.

Осенью 1998 года мы почему-то ночью туда приехали. Сашка Сороко — это у него фамилия такая — тогда работал охранником в этом самом банке.

Вот мы ночью к нему и приперлись. Ну, конечно, затарились по самое не могу.

Я и Ритка. Парни у нас уже в Демянске были... Мы чего-то припозднились, не помню уже почему.

Ну вот и сидим-пьем ночью в Сбербанке. Радуемся встрече.

Сашка рассказывает:

— Тут после войны выжженное поле было. Ни одного целого дома. Школа только. И дом-музей Некрасова. Дед рассказывал — он тогда пацаном был — скидывали из окон наших и немцев. Оружие собирали, увозили куда-то. Трупы закатывали под асфальт. Там сейчас спортплощадка. Дети физкультурой занимаются. В футбол играют... Закатали, значит, их под асфальт, на следующей неделе уроки начались. В школе. Парт нет, на дрова пошли. На полу сидели. А на стенах еще пятна крови. Первый урок был — немецкий...

А я вспомнил, как в 1996 году нам экскурсовод про этот самый дом Некрасова рассказывал, как его немцы пощадили. Дом в смысле, не поэта.

Цитата из «Мы погибнем вчера»:

«...Тетка-экскурсовод с такой гордостью это сказала, как будто лично гансов на порог не пускала. Дура. Потом повела нас, после осмотра его спальни, во двор. К могилке его любимой собачки. Жену он на охоту взял в первый раз, она сослепу ли, с хитрости ли ее и пристрелила. Чтобы не шатался там по лесам, пока она дома сидит. Впрочем, это его не остановило. Ушел в депрессию, написал пару стихов трогательных, собачку похоронил и камушек ей поставил. Гранитный. Пока горевал, жена ему рога ставила с его же другом. Но не суть, в общем,

привели нас к этой могилке, и тетка напыщенно так, глаза в небо вперла и говорит с придыханием: «Постоим же молча у могилы лучшего друга великого поэта Николая... Алексеевича... Некрасова...» А у нас это уже третья минута молчания за день. Но от неожиданности все заткнулись...

— И чем дело кончилось?

— А ничем особенным. Виталик воздух испортил громко, и у всех просто истерика ржачная случилась. У бабы тоже. Только не смеялась она. Пятнами пошла. И как давай орать! Что именно орала, не помню, но, типа, впервые видит таких бескультурных ублюдков, которым недорога память о России.

— Так и сказала? — засмеялся Захар.

— Насчет ублюдков не уверен. Возможно, уродами, — улыбнулся Леонидыч».

Жрать было нечего, а говорите — хоронить!

Лезно. 1996.

— А я с войны там и не была, сынки, в лесу-то! Как немцы наших побили... Ветер оттуда — дышать нечем. В подвалы залазили и тряпками прикрывались. Гнильем пахло. А ежели корова туда уйдет, так все — почитай, пропала. Взорвется. Пацанята ночами бегали, мясо с коров собирали. Есть-то охота! Сколько их безруких оттуда вернулось... А сколько похоронили... Ой, Боженька...

Зато деревья хорошо растут на удобрениях...

Мясной Бор. 1997.

Поле. Березки. Каждая растет почему-то из черепа.

Парни в березки проросли. Сотни березок...

Синявино. 2007.

Вырезали парня из дерева. Руки в земле. Ребра. Таз...

Ноги вросли в дерево. Их приподняло над землей. Прямо из ствола торчат. Выпиливали.

Синявино. 2009.

Боец. Безымянный. Четыре березки, какой-то куст. Сам он под корнями. Ищем медальон в косточках. Нет медальона.

Если лесник придет — за каждое дерево штраф — пятьсот рублей.

Не пришел. Сэкономили. А ведь ходят и штрафуют...

Севастополь. 2008.

День работы на «Вахте» стоит пятьдесят рублей. Мы по пятьдесят рублей с носа платим местному леснику, чтобы искать и хоронить ребят. Мы живем после войны.

И большинству — абсолютному! — просто наплевать. Вы спросите — почему парней тогда не хоронили?

Отвечу вопросом — а почему ты их сейчас не хоронишь?

Какая разница, сколько времени прошло? М? — Это ваше хобби! Я это слышу часто.

Да. Это мое хобби. Увлечение мое такое. Мертвых своих хоронить.

У вас какие-то претензии есть?

Я так развлекаюсь.

Почему после войны не хоронили, говорите?

А мы сейчас чем занимаемся? Как раз после войны, спустя шестьдесят лет...

5. ПОИСКОВЫЙ БЫТ

Вы правы. Это наше хобби. И больше ничего. Не надо думать, что мы все из себя такие — с огнем прошлой войны в глазах.

Обычные мы. Такие же, как вы.

Ничем особым не отличаемся.

Первый день.

Ставим палатки. Делаем кострoвище. Землю под костром обязательно надо перекопать. Даже если ты не первый раз на этом месте стоишь. Придурков хватает — ты весной тут стоял — осенью кто-то обязательно кинет в угли пару патрончиков.

Был случай — стояли на одном месте года три, кажется. На четвертый — после Вахты — выкопали минометку — 82 мм.

Не спрашивайте меня, почему она не бахнула. Не знаю. Ангелы помогали...

Обязательно копаем яму под туалет. Мужской, женский. Бывает, поднимаем бойца. Туалет переносим с этого места.

Делаем душ. Большой полиэтиленовый мешок. Внизу шланг с «пулеметом» — душевая воронка. Иногда делаем баню — деревянный каркас, обтягиваем плащами от ОЗК. Рядом костер — нагреваем камни, кидаем в «чум», там обливаем водой. Можно париться!

Хочешь помыться?

Иди, грей себе воду и устраивай «помоечный» вечер.

1998 год. Водосье.

На Первое мая выпал снег. Стоишь под душем. Почти кипяток. С серо-стального неба над тобой порхают снежинки...

Романтика!

Кажется, там, после того как мы сняли палатки, подняли двух бойцов под ними. Спали на них три недели...

1997. Лезно.

До Волхова идти лень. Берем воду из воронки. Она рядом совсем. В двух шагах от костра. Лягуши в ней плавают, по ночам орут — спать не дают. Икру отчерпнешь, лягушачью — можно делать еду. Или умываться. Или зубы чистить.

Когда лагерь собирали — выкачали ее. Два бойца на дне.

2009. Синявино.

Тропа, по которой ходим работать. На одном и том же месте бойцы. Каждый год. По одному. Как будто приходят и ложатся тут. Первого подняли — обыскали все рядом. Чисто. На следующий год — проходили мимо. Кто-то ткнул случайно щупом — есть косточка... На третий год... На четвертый... Четыре бойца, друг за другом...

Я о быте рассказывал?

Утро. Первым встает дежурный. Делает завтрак. Желательно каша с мясом. Через полчаса после него — отряд.

Едим, курим, умываемся, уходим. Чего тут еще рассказывать? Обычно без обеда. С собой берем перекус — банка тушенки или рыбы на двоих. Хлеб. Конфетка. Печенюшка. Чай во фляжке или термосе. Обедаем часа в два. Вот вышеперечисленным и обедаем. Возвращаемся часов в семь вечера. Если есть боец — можем и до десяти-одиннадцати копать. Азарт хватает, на время не обращаешь внимания.

Возвращаемся.

Жрем ужин, который приготовил дежурный. Он, кстати, не отдыхал — работал в районе лагеря. Если приходим — ужина нет, потому как дежурный бойца поднимает — сами готовим.

Потом разбор полетов. Сто грамм наркомовских. И спать.

Собственно говоря, вот и весь быт.

Впрочем, все, что я написал, — это не вся правда.

Так живут «взрослые» отряды на одиночных Вахтах.

То есть там, где мы стоим одни. Человек десять-пятнадцать.

Там, где Вахта большая — несколько десятков отрядов с разных областей и стран, — она превращается в карнавал.

Сегодня у нас посвящение, завтра концерт, послезавтра экскурсия, а потом в баню...

А работать когда?

Некогда. Мы, видишь ли, детей привезли. Их воспитывать надо. Военно-патриотическое воспитание. И как-то забывается, что основная цель — искать и хоронить.

Не, не!

Детей возить на Вахту! Вот главная цель сегодня поисковых организаций.

Воспитание, ага...

Синявино. 2009.

Костер. Детский отряд у костра. У них «огонек» идет. Это,

типа, каждый ребенок рассказывает — что он думает и что он чувствует о прожитом дне. «Как Ваня с Машей поругался, и как у Пети животик болит».

Потом песни поют. Под гитару — «Ничего на свете лучше неееетуууу!»

Это не Вахта. Это пионерский лагерь пополам с домом отдыха.

Ребята, мы на кладбище живем.

Здесь нельзя песни петь. Здесь можно молиться и материться. Потому что те парни, по которым мы ходим, они успевали молиться про себя и материться вслух.

Есть грех на душе. Тоже порой беру гитару и пою песни. Когда окончательно крышу сносит. Когда уже по-другому нельзя. Выораться хочется. Мой грех, моя вина. Простите, мужики.

Но я там не пою веселых песен.

«Землянку», «Волховскую застольную», «Огарочек», «Меня нашли в воронке»...

А все орательно-веселые — на потом. На поезд. На дом. Здесь нельзя.

Понимаю, детишкам надо отдыхать. Песни петь, влюбляться, отдыхать...

Кто ж против-то?

Но не здесь.

Это КЛАДБИЩЕ!

Нельзя сюда детей возить. На экскурсии.

Понимаю — одного-двух взять. На отряд из десяти взрослых.

А вы видели отряд из СТА (!) детей? И двое баб ими руководят...

Они, мол, детдомовцы, для них в радость Питер посмотреть!

Ребята, не делайте деньги на костях!

Так нельзя. Не подменяйте цель и средства.

Иначе поиск может превратиться в то, что я видел своими глазами 9 мая.

Невский Пятачок.

Около 250 тысяч погибших на квадратике 3 на 5 километров.

Место отдыха под шашлычки.

Сидят ребятки, водочку пьют.

— За Победу!

— Урра! За Победу!

Рядом валяются человеческие кости.

Белые. Высушенные ветром.

Ключица. Бедро. Ребра. Зубы.

Мы прошли по этому полю. Уже не работали. Отдыхали. Три бойца. Сложили косточки у памятника. 10 мая их заберут

местные поисковики.

Вы хотите, чтобы ваши дети приезжали на такие экскурсии?

— Деточки — а это череп!

— Деточки — а это снаряд!

Я утрирую, конечно.

Но это мое мнение — детям и бабам на Вахте делать нечего.

По многим причинам...

6. ПОИСКОВЫЕ ДЕНЬГИ

На нас делают деньги. Причем это особо не скрывается.

Выдержка из проекта Федерального закона. Схема проведения всех таких конкурсов для получения откатов неизвестна разве что грудным детям.

> «Поисковая работа обеспечивается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и проводится образованными этим органом поисковыми подразделениями, а также общественными объединениями, допущенными к поисковым работам на основании результатов конкурсов, проведенных в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Тут, кстати, вот какая пакость. Поскольку проведение конкурсов подпадает под действие закона № 94, то любой чиновник местной администрации может попросту отказаться даже проводить подобного рода конкурс, ибо нет муниципальной нужды. А нет конкурса — нет и поиска, поскольку все остальное будет причисляться к нелегальщине и интенсивно преследоваться.

Особо это касается небоевых регионов. Боевые — это те, где война была. Небоевой — например, Киров (Вятка). Ну нет у нас муниципальной нужды в поисковой работе. Нету.

Не знают чиновники, что, например, узкоколейка Киров — Слободской стоит на костях.

Сорок километров по канавам вдоль железки — немцы, венгры, итальянцы, австрийцы, румыны.

Их везли из Сталинграда. Умерших выбрасывали из поезда в эти канавы. Сколько тысяч там лежит — неизвестно. Да Бог с ними, с фрицами. Пусть лежат.

Слободской — моя родина. Вятский Суздаль.

Кладбище с мемориальными плитами. Сколько себя помню — каждое 9 мая — торжественный митинг на могилах умерших от ран солдат.

Рита Малых, командир слободского поискового отряда «Возвращение», выяснила, что это кладбище — немецкое! А наши мертвые лежат совсем в другом месте. Под кладбищенской свалкой.

Свалку поисковики расчистили. Сделали могилы. Провели панихиду. Пару лет назад митинги стали проводиться на новом месте. Власти эту историю вспоминать не любят.

Нет у нас нужды в поисковой работе, нету...

Вообще, проект производит гнетущее впечатление. Для чиновников — лазейка на лазейке. Почти везде формулировки типа «имеют полномочия», «имеют право», «могут» и т. п. Понятие обязанностей и ответственности в тексте не присутствует по определению.

А поскольку по проекту планируется создание некоего федерального органа исполнительной власти, то это полный завал — позиция чиновников опять же хорошо известна: «Прав, возможностей и полномочий я могу иметь сколько угодно, но делать-то я ничего не обязан». Соответственно, имеем очередное законодательное фуфло, предназначенное только для того, чтобы максимально осложнить жизнь людям, которые хоть что-то хотят сделать.

Закон пока — пока! — не принят. Думаю, что примут к шестидесятипятилетию Победы. Деньги вложат, как обычно, на круглые даты. Надо же как-то их отмыть...

Нам и так выделяет государство копейки.

На 220 человек — 160 тысяч.

На одного человека — 700 рублей.

Проезд до Питера — 1200. В одну сторону. В этом году.

Эта сумма — 160 000 — не меняется с 1996 года.

На ежегодный салют выкидывается от 300 000.

Говорят — слухи! только слухи! — что выделяется в три раза больше. Но из 500 000 до нас доходят 160 000.

Причем выделяют деньги только на школьников и студентов. Военно-патриотическое воспитание...

Остальные — за свой счет.

Командиры отрядов, как правило, начинают искать денег у спонсоров за год до Вахты. На пожрать. На попить. На сапоги.

Впрочем, это у нас нищий регион. Завидую отряду из Ямала. На десять человек полтора миллиона.

Недаром в прошлом году, когда в первую же ночь под Гайтолово пошел снег с дождем, вызвали из Кировска такси и уехали в гостиницу. Отогрелись в сауне, дождались хорошей погоды — приехали работать.

Молодцы! Искренне завидую.

У нас так никогда не будет.

Просто здесь, в тылу, мало кто понимает — что это такое.

Комментарии, которые я получаю иногда:

Орфография соблюдена:

> «А чо с Куликова Поля никого не выкапывают или там со дна Чудского Озера не поднимают, к примеру? Есть чем людям заняться? А то в Беларусь пожалте, там болот тоже много, и партизаны не все еще подняты... Я не стебаюсь, просто если всех поднимать, так давай до 100 колена. Последняя война — ВОВ? А чо в Афган тогда не едем или в Чечню? Медальон нашел и кости похоронил — молодец, только не продуктивно это — 100 000 человек, погибших в 1943 — окститесь, 2009 сегодня. Воинская память и Слава павшим за Родину — Вечная. Копать не надо, как и писать про это».
>
> «Проще надо к костям относиться, проще. Опять же без медальонов — не немцы это случаем? Как с экспертизой у Вас, все хорошо? А я и не сомневался — бедренную кость нашли — солдата «подняли». Ушел на войну и не вернулся — дело житейское, мужское. Вычеркиваем просто из списков, и все. Ширее смотреть надо, ширее и проще. Денег, еды, вещей не дам. Не жалко, просто не хочу на такое».

«Деревенских можно понять с их восприятием всего этого шоу. Ну убили вас. Легли вы под родные березы. Занесло вас землей. Очень надо потом кому-то рыть ваши кости, чтобы потом устроить себе слезливую эмопати??

Когда весь этот пиар начинался, моя бабушка, прошедшая с госпиталями всю войну воспринимала это как ДИКОСТЬ.

Я выросла рядом с полем боя. И у нас было негласное: НЕ ТРОГАТЬ останки. Мы ковыряли осколки, патроны, каски. Но останки было трогать НЕЛЬЗЯ.

НЕУЖЕЛИ НЕПОНЯТНО ПОЧЕМУ??

Те, кто выкапывал себе черепа и ставил как предмет интерьера на сервант (БЫЛИ ТАКИЕ), вызывали какое-то нехорошее недоумение... а они оправдывались: «да я это нашел под немецкой каской, это немец!» — все равно это не понималось.

Не вижу, чем вы отличаетесь от них.

Уж простите.

Но этот ваш весь пафос и вся эта ваша публичная ЭМО-выставка себя как-то непонятны».

Вот как-то так...

Ну пусть пафос. Тогда что вам эти числа скажут?

160 тыс. в этом году.

Поднято и захоронено 569 бойцов и командиров РККА экспедицией Кировской области.

Государство затратило 281 рубль 19 копеек на бойца на эксгумационные работы.

Теперь эти 281 рубль 19 копеек делим на 65 лет...

4 (четыре) рубля 32 (тридцать две) копейки в год.

Цена нашей памяти...

7. РАБОТА. ТАКТИКА

Да все просто, собственно говоря...

У тебя в руках щуп. Это такая железная штука — штырь, вколоченный в палку. (Мне, кстати, штыком русским нравится работать — тяжелый, мощный, землю хорошо пробивает. К палке примотал и ходишь — в землю тычешь. Еще люблю работать киркой. Удобная штука. Корни на раз-два пробивает. И о камни не сломать.)

На поясе малая саперная лопатка. На любой стук — копаешь. Хотя я больше руками и ножом предпочитаю.

На отряд — 10–15 человек — один минак (метал-лоискатель).

Только я с ним не люблю работать. Пищит много. Там везде пищит. Щупом мне больше нравится.

Идешь и постоянно тыкаешь им в землю.

Звуки не слышишь, рукой чувствуешь.

Металл — звонкий удар. Чем больше железяка, тем звонче. Чем глубже — тем глуше. Через пару дней работы ты на руку отличаешь маленький осколок от мины.

Камень — удар тоже звонкий. Но (это описать трудно, но постараюсь) — звонко-резкий. Не знаю, как сказать. Но при любом ударе о камень, все равно — копаешь.

Дерево — глухой удар. При этом дерево — корень, например, пружинит. Легкая отдача в кисть.

Кость — звук неповторимый. Глухой, но звонкий, звонкий, но глухой.

Очень четко слышен медальон...

Лезно. 1997.

День прошел впустую. Стоим курим у воронки. Подняли винтовку только что. Треху. Мосинку. Вскопали по всем правилам — три метра по периметру от нее и полметра вглубь. Ничего...

Стоим — курим...

Злые, как собаки.

Леха Винокуров кидает щуп в сторону.

Странный звук! Не железо, не кость, не дерево!

Когда щуп втыкается во что-то...

Встаешь на колени и ножом вскапываешь землю вокруг щупа. Ну и пальцами. Проверяешь — что там.

Леха — везунчик. Медальон.

В трех метрах от винтовки подняли бойца. Я уже не помню —

как его звали. Данные есть — можно поднять их.

Обычно мы бойца поднимаем часа за два-три. Если лежит компактно.

А может быть и прямое попадание чем-то тяжелым. А могут корни деревьев растащить. А может земля двигаться.

Этого поднимали долго. Темно уже было, фонариками подсвечивали, когда мизинчики из ботинок доставали.

Странное дело — когда находишь бойца — время останавливается. Курить забываю. Поднял — оппа! — три часа прошло. Не заметил.

А остановиться не можешь. Надо всего поднять. Может быть, это азарт. Но в душе понимаешь — надо поднять всего и сейчас. Нельзя так оставлять. Не знаю почему. Знаю только это чувство — надо поднять сейчас.

Многое зависит от командира экспедиции.

Поясню — я, например, командир отряда. Приезжаем на экспедицию. Командир ее — он же командир местного поискового отряда. Он обеспечивает инфраструктуру: карты, транспорт, место работы. С нашей стороны только сама эта работа. Не завидую ему.

За тринадцать лет я работал только в четырех районах.

Чудово, Демянск, Севастополь, Питер.

Надеюсь, в этом году еще съезжу в Одессу. На следующий год — в Старую Руссу.

Надеюсь, но как Бог положит...

Так вот. Очень многое зависит от командира экспедиции.

Демянск.

Павлов Александр Степаныч.

Вот это настоящий поисковик. Все очень четко. Мы приезжаем. Утром садит нас в «Урал». Приезжаем на место. «Вот отсюда и до сюда — ищем».

Чудово.

Лена Марцинюк — я уже писал о ней — там, в Чудово, ситуация немного проще. Четкая линия фронта. Известные места. В то же Лезно приехали — нам выделяли квадраты. Сто на сто метров. Вот и ходим по этому квадрату — собираем осколки, патроны, каски. Пока все не прошерстим — через каждые десять сантиметров не втыкая щуп — не уходим. Результат порой никакой...

Демянск. 1998.

Павлов привозит нас на высотку. Командирский отряд! Что

ты! Элита! У каждого за спиной уже по пять Вахт как минимум! Могу на спор — по запаху определяю — есть в этом окопчике кости или нет!

Угу...

Хрен там. НИ ОДНОГО БОЙЦА!

Демянск. 2000.

То же самое место. Та же самая высотка.

Восемь бойцов в тех же окопчиках.

Медальонов тоже не было.

Расческа. Выцарапано. «Коля».

Лежали они под камнями. Немцы их в траншеи кидали и камнями заваливали. Ходить им так удобнее. Было.

«Первый пролетарский коммунистический батальон». Кажется так... Добровольцы. Студенты и профессура из Москвы. Интеллектуальный цвет. Под камнями.

8. ЧЕРНЫЕ ПОИСКОВИКИ

Когда говорят это словосочетание — «черные поисковики», сразу приходит такая ассоциация. Мрачные суровые мужики, которые прячутся от всех, носят с собой карабины «Маузера» и отстреливают всех подряд из-за пряжки «Gott mit uns». Или мальчики-мажоры из фильма «Мы из будущего». Увы. Я вас сейчас сильно огорчу. Может быть, такие и есть, но с ними я не встречался за тринадцать лет Вахты. Встречался с другими.

Есть, наверное, и такие. Но как их вычислить? Представьте себе — семнадцать отрядов на одном месте стоят. Около двухсот пятидесяти человек. Все ходят по участку — пять на пять километров. Копаешь в лесу:

— Привет, как успехи?

— Нормально. Вы откуда?

— Архангельск (Тамбов, Астана, Питер, Мурманск, нужное подчеркнуть). А вы?

— Вятка. У вас как?

— Блин подняли пустой, зараза...

Ты их в лицо не знаешь. Одеты все одинаково — камуфляж, сапоги. Снаряга стандартная — щуп, минак, лопатка.

Кто это был? Действительно Архангельск (Тамбов, Астана, Питер, Мурманск, нужное подчеркнуть)? А хрен его знает...

Но «черные» действительно есть. Правда, черные, они разные...

Трофейщики.

Эти поднимают железо, в основном немецкое, на продажу. Работают с апреля по октябрь. В южных регионах — круглогодично. Никогда не имеют дело с огнестрельным оружием, боеприпасами. Только — фляжки, ложки, каски, награды и прочая шняга. Не удивляйтесь — стандартная немецкая ложковилка в хорошем состоянии стоит 100 баксов. Это если с «курицей» — с немецким орлом, в смысле. У меня вот финская лежит. Стоит дороже. Баксов 200. Не продам, не обращайтесь. Это подарок. Как правило, трофей-щики — если находят косточки — либо сдают место поисковикам, либо прихоранивают. Могут работать под заказ от коллекционера. Как правило, столичные жители.

Хабарщики.

Эти продают все. Гильзы на цветмет, награды коллекционерам, тол, черт его знает, кому... Чаще всего это жители маленьких райцентров и деревень. Останки раскидывают по раскопу. Это надо видеть. Описать не смогу...

Водос. 1998.

Траншея. Свежевскопанная. На дне ничего. Железо выгребено подчистую. По краям — в отвалах — кости вразброс. Собираем. Немцы? Наши? Теперь уже не узнаем никогда...

Тверь. 2004.

То же самое. В костях три раскрученных медальона. Их нашли, раскрутили, бросили... Записка сгнила. Не в сорок втором сгнила. В две тысячи четвертом...

Сссуки.

Это мы.

В смысле — официальные поисковики. Которые с «гумажками».

Начну издалека...

Когда находишь личную вещь бойца — это каска, противогаз, лопатка, ремни, магазин, подсумок с гранатами, ложка, котелок, фляжка, оружие — ты обязан — ОБЯЗАН! — вскопать все по квадрату два на два метра и глубиной в штык малой саперной лопатки. Даже если ничего нет больше — КОПАЙ! Квадратом десять на десять все «щупится».

Синявино. 2009.

Идут два поисковика из Питера с хорошими, дорогими миноискателями. Которые на тип металла настраиваются, на глубину, на вес... Запищал минак. Остановились. Копнули. Каска. Наша каска. Отопнули в сторону, пошли дальше.

— Ак хуле мы тут ходим? Тут русские позиции! Пошли на немецкие, они вон там!

В трех метрах от каски — боец. Мы его подняли чуть позже.

Не вопрос. Питерский отряд — молодцы! Подняли больше нас в этом году. Зацепились за кость — поднимают. Не зацепились — «пошли на немецкие позиции!».

Немецкая каска тоже сто баксов. Наша — ничего не стоит...

Практически все отряды из боевых регионов наполовину состоят их таких сволочей, готовых продать все, что угодно и кому угодно, прикрываясь — «Я — поисковик!»

Демянск. 2000.

Поднимаем блиндаж. Оказывается немецкий. Почти пустой. На дне ящик с карабинами «Маузер98». В ветоши, в промасленных бумагах. Почистили. Постреляли копанными здесь же патронами.

Помидор — так мы звали того демянского поисковика — так нажрался с радости, что потерял сознание. Мы достали затворы и выкинули карабины в болото.

А ящик с патронами поставили на костер. Отошли метра на четыре. Легли. Фейерверк смотрим. А патроны-то бронебойно-зажигательные. Они сначала в костре бахают, подлетают и в воздухе шмаляют. Красиво! Один патрон — один бакс.

Синявино. 2009.

— Эй, мужики, медальон нужен?

— В смысле?

— Сто рублей, покажу!

Сто рублей — кто-то получит весточку спустя 65 лет... Угадайте, кто такие цены «ломит»?

Менты.

Просьба не обижаться настоящих милиционеров. Я не про вас. Я про ментов. Это разные понятия. Сюда входят все те пьяные уроды, которые могут приехать ночью в лагерь и устроить шмон в палатках. Типа у них спецоперация, ага...

Синявино. 2009.

Бухой в говно подъезжает на «уазике». Мы из леса вышли. Шмон. В карманах патроны. Статья... Хорошо, бухой в говно. Забыл.

А куда нам эти патроны девать? Обратно закапывать? По правилам техники безопасности мы их должны сдать МЧС. Чтобы сдать МЧС — мы должны принести их в лагерь. Потому, что саперам МЧС лениво по лесу ходить... Но по ментовским правилам мы не имеем права приносить их в лагерь.

Синявино. 2009.

К столу из кустов вываливается пьяный мужик в камуфляже:

— Оружие, боеприпасы есть?

— Ты кто, человече?

— Группа разминирования МЧС!

— Эээ... А документы?

— Майор, тут на меня выеживаются!

Вываливается второй. Ментовские корочки мне в лицо.

— Забирайте, чего хотите. «Лягуша» вот тут стоит, — показываю на карте, — здесь три противотанковых мины, тут ящик восьмидесяток, тут...

— На хер мне в лесу? Чего в лагере есть?

— Трехи гнутые, дегтярь, пара гранат.

— Все?

— Все...

— Пиши акт, — мне говорят.

— Бланк давайте?

— Нету бланков, кончились!

Вырываю лист бумаги из книги. С задней страницы — знаете, там чистые листы зачем-то есть? Книга Пауля Карела «Восточный фронт. От Барбароссы до Сталинграда». Пишу.

«Акт. Составлен такого-то числа командиром поискового отряда «Долг» Ивакиным А.Г. Мною сдано группе разминирования МЧС: 3(три) винтовки Мосина, 1 (один) пулемет Дегтярева, три (три) гранаты «Ф-1». Дата, подпись»

Надо ли говорить, где я потом этот акт нашел?

Надо ли говорить, сколько платят за килограмм сданного в милицию тринитротолуола?

Надо ли говорить, что мины мы обезвреживали сами?

Впрочем, это уже другой рассказ...

9. ПОИСКОВОЕ ЖЕЛЕЗО

Его до...

В общем по пояс всем нам будет. В буквальном смысле по пояс.

Лезно. 2006.

На участке метр на метр гильзы от французского пулемета «Гочкис». Глубина залегания — метр. Кубическая такая яма была... Ага. Гильзы потом собрали — куча по пояс. «Хорошо» ганс по нашим пошмалял...

Синявино. 2009.

Килограмм осколков. С участка метр на метр. Глубина — сантиметров 10. Просто ради интереса копнули. Живого места нет. Земля рыжая...

Впрочем, этого добра — море разливанное. Пули, осколки, гильзы, минометки.

Самое безопасное в «Поиске» — это минометки. Наши, немецкие... Полтинники, восьмидесятки, сто-двадцатки... Где почва мягкая — как морковки торчат из земли. Ходи с ведром, собирай. Чтобы шарахнула — надо очень постараться. Смотришь — пробит ли капсюль? Прошла сквозь ствол или нет? Если нет — можно гвозди ей заколачивать. Это только в фильмах «кажут», как геройский американос пезтохает миной по железяке и швыряет ей в немцев. В жизни так не бывает. Если минометка ствол не прошла — можно смело снимать ключом взрыватель, затем выжигать тол и... Сувенир жене готов! Чего ржете? Хороший пенал в офис...

На втором месте по безопасности стоят ручные русские гранаты. Ежели они без взрывателя, конечно... Если «РГ» со взрывателем — лучше не трогать. Если «лимонка» с чекой — выпуклая часть спины.

Демянск. 2000.

Стук щупом по железу. Дернул грязь лопаткой. Скребнул по металлу. Сунул руку в жижу. Достаю. «Лимонка». Взрыватель, чека, кольцо. Зачем-то стукнул по ней лопаткой. Грязь хотел

сбить, что ли? Взрыватель ломается и начинает шипеть. Столбняк. Дымок пошел. Стою и смотрю на нее. Нет никаких «картинок из жизни». Рука, граната, дымок. Прошипел. Выдохся. Жив...

Если противотанковая со взрывателем...

Там взрыватель со ртутью. Очень аккуратно складываем на землю. И больше ее никогда не трогаем. Теоретически — надо вызывать саперов. Практически — очень аккуратно несем ее к ближайшему водоему и топим там. Если водка в крови бурлит — можно на месте устроить костерчик и взорвать ее. Накидал бересты, веток. Поджег. И бегоооооом! Потом ждешь — бахнет? Можно прождать долго. Час, другой, третий, ночь... Нах, лучше утопить.

Был у нас один придурок.

Находит взрыватель, подкидывает и лопаткой по нему. Или подойдет к дереву — вставит металлическую палочку между стволом и веткой, чуть в сторону отойдет и зажигалкой греет. Смешно ему было, придурку.

Было.

Получил вот так вот осколок в задницу. Как — понятия не имею. Но осколок в задницу получил. После чего был исключен из организации. Не за ранение. А за то, что рядом другие ходили.

Средняя опасность.

Противопехотные мины. Кроме «лягуш» и «кукуруз». О них отдельно. Как правило, противопехотная мина шестидесятипятилетней давности нажимного действия — уже безопасна. Как правило. Но на любое правило есть исключение. Многое зависит от того — где эта мина «хранилась». Если почва сухая — пригорок там или песок, или камни, — может и бахнуть. Случаев таких не слышал. Но видел, как парень побледнел, когда щуп вошел прямо в сгнивший — слава Богу! — взрыватель противопехотной мины в деревянной оболочке.

Высокая опасность.

Снаряды. Любые, прошедшие сквозь ствол. На какой там ржавчинке держится проволочка? Кто его знает... Был случай — его вы можете найти в Интернете самостоятельно — командир отряда пытался плоскогубцами снять взрыватель с неразорвавшегося снаряда немецкой 88-мм зенитки. Двое погибших, четверо раненых. Это отдельная история, я ее опишу еще. Как пацан, раненный в ноги, вытаскивал пять километров по лесу своих друзей до дороги.

Сюда же относятся «кукурузины» — ПОМЗ. Если стоят на растяжке — считай подрыв. Только эту растяжку невозможно заметить. «Кукуруза» может быть примотана, например, к

колючке. А этой колючки там... Я после каждой Вахты выбрасываю сапоги. Уже не проклеить все разрывы. А под колючкой пацаны и лежат, часто...

Противотанковые мины. Эти твари ставились на три взрывателя. Верхний — нажимной на танк, боковой — для сапера, и донный. На неизвлекаемость.

Ага... На неизвлекаемость... Щаз!

Лезно. 1997.

Курсанты из Пушкинского училища нашли противотанковую мину. Сделали все как полагается. Огородили ее флажками. Пошли за инструментом...

Сижу у костра. Рабочий день строго заканчивается в восемь вечера. После этого курсанты подрывы делают.

Идет мой боец — Сашка по кличке Манник. Пятнадцать лет ему тогда было. Несет тол. Очень много тола. Откуда?

— Ак там чо? Это... Иду... Глика-чо? Флажки! Ну я зырить. А там чо?

— Чо?

— ГРАНАТА! — зловеще выдыхает он.

— И чо?

— И ни чо! Я по ней топором — хрясь! Не взорвалась! Ну я ее вскрыл, как банку консервную, толу наковырял!

А тол поисковики ценят, да... Если дожди идут — милое дело им костер разводить. Любые дрова с ним гореть начинают. Да и пахнет вкусно. На мой извращенный взгляд, конечно... Тол я припрятал, конечно. Хотя так и не понял, что за гигантская граната была...

А потом пришли злые саперы, которые честно приготовились мину дергать. Дергать — это значит — привязать к мине веревку, отползти метров на двадцать и дергать. А злые они были, потому что рассчитывали тол из мины достать и рыбу в Волхове получить. Втык получил почему-то не я, а Юра Семененко, командир второго вятского отряда. Впрочем, почему — тоже понятно. Пару дней назад его боец, выходя с поля работы, наткнулся на Лену Марци-нюк — чудовского командира.

— Что несешь?

— А во чо!

И радостно бросил ей под ноги снаряд «88», три минометки-восьмидесятки и противотанковую гранату. Лена, наверное, поседела...

Еще бы не поседеть...

Лезно. 1996.

Саперы собрали со всего леса ВОПы (взрывоопасные предметы). Устроили подрыв. Место не рассчитали, потому как были бухие. (Командиры-полковники пили всегда у себя в лагере или у Лены, а курсанты с нами. Курсантам нельзя же пить. Рядом с начальством...)

Впервые в жизни я слышал, как стучат осколки по деревьям. Страшно стучат. Это очень страшный звук. Глухой... В тебя будто летят...

В первый раз слышал, не последний...

Последняя категория опасностей.

Бутылки.

Как правило, там коктейль Молотова. Он бывает разных составов. Первый — возгорание только с помощью открытого огня. Второй — при соприкосновении с воздухом.

Демянск. 2000.

Две бутылки в окопе нашли. Внутри темная жидкость. Решили проверить на базе. Вдруг шикарное вино? Едем в «Урале». Мужики в кузове, я в кабине. Водила достает одну бутылку. Рассматривает ее. Отпускает руль — едем по грунтовке — достает нож. В течение минуты — вы знаете, что такое минута на грунтовке со скоростью «всего» пятьдесят километров в час? — срезает пробку с бутылки.

Нюхает. Резко выкидывает бутылку в окно. За ней другую. Внимательно смотрит в боковое стекло... Ничего...

— Первый молотов, — кратко резюмирует он. Едем дальше. Я, наверное, седею.

Лягуши.

Это очень убойная тварь. Она рабочая до сих пор. Сплошное поражение до двадцати метров. Прослойки воздуха между стеной из стали. Говорят, что можно выжить, если упасть на то место, откуда она выскочила. Не пробовал и пробовать не хочу. И вам не советую. Умельцы поднимают. Я не буду никогда. Я их закапываю. Главное, чтобы не взорвалась, когда первый слой земли набрасываешь.

Ружейные гранаты.

Этих тварей я даже описывать не хочу. Шанс подрыва —

90 %. Я их за последнюю Вахту выкинул в реку четыре штуки.

А что мне прикажете делать?

Тут, черт побери, дети ходят. Берем двумя пальчиками осторожненько... Теперь вы понимаете, почему я против баб и детей в «Поиске»?

1998. Водос.

Взрыватель хлопает. Сижу на краю ячейки. По колено в воде. Достаю косточки. Чего-то длинное под корешком. Ударил лопаткой по корню. Фонтан воды в харю. Взрыватель был. Осколки мимо. Их будет еще три потом. Один в Демянске, один в Севастополе и еще один в Синявино. О синявинском скажу. О других не буду.

1999. Демянск.

Осень сухая. Горят торфяники. Проходим по горелому месту. Земля дымит. Удар под ногой. Коленом чуть себе в подбородок не заехал. Ногу подбросило взрывом. «Лимонка» бахнула. Развалилась на две части. Каблук на «берце» снесла.

2000. Демянск.

Какой-то придурок набросал патронов в костер. Хлопают. Весело. Среди них оказался бронебойно-зажигательный. Меня кто-то позвал. Я повернул голову. Пуля ровно на уровне глаза за левое ухо ударила. В затылок. Синяк — ничего больше.

2009. Синявино.

...Взрыватель под лопаткой. Как в Демянске. Осколок царапнул по виску...

...Четыре ружейные гранаты. Закусывая губу и писая в штаны, нес до реки двумя пальцами...

— ...Железо. Большое. Посмотри.

— Сейчас...

Отодвигает миноискатель, чтобы тот не нервничал на щуп.

Четыре удара лопатой. Вырубаю квадрат в дерне. Снимаю его.

— Глубже!

— Знаю...

Рублю дальше. Вглубь. Снимаю, скрежеща лопаткой по металлу, еще слой земли.

Сссссука. Снаряд. Семидесятишестимиллиметров-ка... Наша...

Четыре раза я ударил по взрывателю.

Четыре раза.

Он должен был взорваться.

Должен, но...

Аккуратно поднимаю его. Двумя пальцами. Страшно. Несу к реке. До реки метров двести.

Бросаю в воду. Все...

Мистика?

Я должен был погибнуть как минимум шесть раз. Должен был. Но...

Но есть ангелы-хранители. Мистика, скажете вы? Да, мистика...

10. ПОИСКОВАЯ МИСТИКА

2008. Старая Русса.

— Знаешь, как понять — курил боец или нет?

— Не понял…

— Когда могила сделана — прикуриваешь сигарету, втыкаешь ее в могилу и смотришь.

— И что?

— Смотри…

Петрович достает сигарету. Прикуривает. Делает затяжку. Втыкает сигарету в землю могильного холмика. Фильтром вниз, естественно.

Сигарета начинает пыхать. Как будто кто-то курит там изнутри…

2000. Демянск.

Безоблачное осеннее небо. Синее-синее… Рита поднимает бойца. Из-под березки. Лейтенант. Один кубарь. Может, и не лейтенант. Кости обгорели. Немцы сожгли или послевоенный торфяной пожар? А хрен его знает. Почти весь он на двух ладошках уместился. Сгорел. Личных вещей нет. Только этот необгорелый кубарик. Рита складывает его в мешочек. Полиэтиленовый. С которыми мы в магазин ходим. Сложила. В это время с березки падает капля. Ей на ладошку. Роса днем?

1999. Водос.

Хожу один. Щуплю по нейтралке вдоль траншей. Ничего нет.

Только железо, железо, железо… Осколки, пули, минометки…

Выглянуло солнышко, пригрело. Холодная та Вахта была. Дождливая и холодная. А тут солнышко. Прилег на полянке. Погреться. Задремал…

Вдруг из кустов выходят четверо. Трое в форме бойцов РККА, один в командирской форме. Поисковики, что ли? Почему с винтовками? Почему…

— Спишь? Мы вот тут лежим…

Просыпаюсь. Сердце бешено колотится. Холодный пот. Убежал с той полянки. Через три дня вернулись. Подняли

четверых. У троих винтовки...

Это не мы их ищем — это они нас ищут. Каждый из них — своего из нас. Они нас находят. Не мы их.

Мало мистики?

Ну вот еще. Лично не видел. Со слов рассказываю:

Водос. 1997

«Уазик» идет по нормальной асфальтовой дороге поздно вечером. Почти ночью. Гоняли зачем-то в Чудово. Темно, лес кругом. Вдруг машина глохнет. Глохнет все. Аккумулятор сдох внезапно?

Водитель тихо матерится и собирается выйти из машины. Вдруг взгляд в зеркало заднего вида.

— О, люди! Сейчас попрошу, чтоб толкнули до уклона.

И вдруг явственно слышна немецкая речь. И по обе стороны машины.

Цорк, цорк, цорк... Металлические подковки на немецких сапогах. Котелки брякают, тихий смешок чей-то...

И никого нет рядом.

Только цорк, цорк, цорк...

Звуки прошли мимо, обойдя «уазик» с двух сторон. Через несколько минут машина завелась как ни в чем не бывало.

Там же. Тот же год.

Утренний туман над полем. Впереди высотка. На высотке немецкие позиции. На поле русские кости. Солнышко встает, туман поднимается вверх и явственно видно, как он поднимается.

Смутными силуэтами. Их десятки. Сотни. Каждое облачко завершается полукругом, похожим на каску... И острия штыков направлены в небо. Именно острия. Несколько минут, и тумана нет.

2009. Киров.

В книге «Меня погибли вчера» у меня есть персонаж — десантник первой маневренной воздушно-десантной бригады — Павел Колупаев. Списывал я его с реального человека — Паши Колупаева, тоже десантника, тоже воевавшего. Только в Таджикистане.

В книге он — по тексту, попал в плен под деревенькой Опуево. Цитата:

«— Сержант Колупаев. Павел. Десантник. Первая мобильная воздушно-десантная бригада.

— Где?

— Под Опуевом. В марте. Контузило. Немцы подобрали после боя.

— Чего делать думаешь?

— Душить сук голыми руками. Насмотрелся в плену, мама не горюй».

А сегодня листаю портянки со списком погибших и без вести пропавших той самой бригады. И натыкаюсь:

«Колупаев Петр Иванович. 1922. г. Киров. Сержант.

> г. Киров. Призван ГВК г. Кирова. 20.31942 пропал без вести в районе д. Б. Опуево Демянского района. Отец — Иван Агафонович. г. Киров. ул. Милицейская, д. 23б, кв. 1».

Это еще не все.

Дома по этому адресу уже не существует. Снесен и построена хрущевка.

Но это место видно с балкона моего дома.

А вы говорите, мистика...

Мало?

Тогда приезжайте на Вахту. Увидите сами. Своими... Нет, не глазами. Душой.

Но почему-то мистическое — не страшно. Страшно совсем другое... Не железо, не кости... Нет...

Страшного хватает много. Но осознание этого страшного приходит потом, порой через годы. Хотя вот вспоминаю сейчас — ну что такого уж страшного?

Подумаешь, противогазные трубки из земли торчат... Штук сто... Как черви. Большие черно-зеленые черви, вылезающие из земли. На поляне больше ничего. Только брошенные противогазы.

В километре от этого места, на самом берегу Волхова — место санбата. Зимнее. Потому как нашли яму — сотня ампутированных ног. В ботинках. Аккуратно распиленные кости. Кто-то из тех, кому отрезали обмороженные ноги, возможно, еще жив. А кости мы похоронили.

Страшно было, наверное, Толе Бессонову, когда он нашел и поднял своего однофамильца и тезку. Бессонова Анатолия. Когда развернули медальон и прочитали записку — он просто ушел в лес. Один через час примерно вернулся. Хмурый, серьезный, сосредоточенный.

Мне всегда жутко — когда поднимаешь санитарное захоронение. Нет. Не кладбище.

Демянск. 1999.

Огромная яма — пять на пять и глубиной метра два. Туда немцы поскидывали после боя убитых десантников из 204-й воздушно-десантной бригады.

Убитых и раненых. У некоторых прострелены черепа. Бинты и пластыри...

Один боец стоял в углу ямы. Вытянув руки вверх. Хотел выбраться. Не смог. 82 бойца в той яме было.

Кто сверху — одни косточки. Ниже — сохранение идеальное — кожа, подкожный жир, волосы, ногти, мясо.

Мне подают снизу здоровый кусок глины:

— Леха, посмотри медальоны в карманах!

Все черное. В органической жиже. На куче этой глины — человеческая лопатка. Хочу посмотреть под ней. Не отдирается. Прилипла, что ли? Поддеваю саперкой кость. Подается. А под ней — мясо. Белое, волокнами. Это не кусок глины. Это человеческое туловище — конечности отгнили, голова тоже. Дурно как-то становится. Сжимаю зубы. Обыскиваю карманы. Вернее то, что от них осталось. Медальона нет. Только остатки какой-то газеты...

За день мы управились. И пять медальонов все-таки нашли.

Два раза я принимал участие в подъеме захоронок. И каждый раз не по себе.

Еще страшно становится, когда поднимаешь бойца... А у него ножки маленькие, размер 35–36. И коса девичья. Вот это страшно.

А основное чувство — тоска. У меня, по крайней мере.

Особенно тоскливо было на немецком заброшенном кладбище под Демянском. Сотни могил. Зимних могил. Не глубоких.

И все вскрыты «черными».

Все обшарили и останки раскидали.

Мы собрали их в кучу, закидали землей. Постояли молча. Ну, пару сигарет положили. И понимаешь, что к немцам туда — никто и никогда не приедет. Наши хотя бы в своей земле лежат. В родной.

А эти...

А черт с ними!

Сюда их никто не звал, вот и пусть лежат там, на заброшенных немецких кладбищах.

11. ПОИСКОВЫЙ БАРДАК

На самом деле нас надо разогнать к чертовой матери. Забудьте то, о чем я писал до этого.

Мы не святые. Мы похоронная команда и не более того. А как в любой организации — в нашей среде очень много дерьма.

Помните — я писал о детях и женщинах в «Поиске»?

Так вот...

На детях делают деньги. Я уже писал об этом. Чем больше детей едет — тем больше денег выделяет государство под статью «Военно-патриотическое воспитание». Часть этих денег оседает наверху, часть доходит до организаций, часть доходит до людей.

Синявино. 2009.

Был как-то свидетелем одного забавного диалога:

— Вань, чеки на продукты дай.

— Э? Какие чеки?

— Ваня, дурку не включай. Вы продукты покупали?

— Ну...

— Товарный чек давали?

— Не... Счет-фактуру и накладную. Мы на базе!

— Давай сюда.

— Зачем?

— Мне отчитываться надо?

— Перед кем?

— Перед департаментом по делам молодежи.

— А он тут при чем? Мы собрали по пять сотен с человека, вот тут еще ребята приезжали, помогли продуктами и деньгами. Это я перед ними должен отчитываться, не перед тобой и не перед департаментом.

— Иначе финансирования больше не будет.

— И что? Это мои деньги. Это я их тратил!

— Ваня, дай чеки!

— Поздно, мать. Я с ними в сортир сходил.

Вот так!

Деньги есть. И они пилятся наверху. Не в кабинетах чиновников. В кабинетах поисковых командиров.

Знаете, как легко отличить поисковика полевого — рабочего — от парадного?

Да как раньше. По наградам.

Синявино. 2009. Захоронение.

Несут пацаны гроб с ребятами. Пацаны как пацаны. Камуфляжные, усталые… И у каждого орден Отечественной войны.

Нет, я не ослеп! Действительно — орден Отечественной войны!

Присмотрелся… Слава Богу — я ослеп. В центре, вместо серпа и молота, красное знамя и мелкими буковками название отряда.

А вот рядом идут…

Боевое Красное Знамя! Все честь по чести! Кроме «СССР» на нижнем ободке… «КПРФ». Вот так бывает.

«Орденами» и «медалями» гремим перед могилами…

Неужели не стыдно перед теми, кого хороним? Ведь большинство из них без всего перед нами. Голенькие!

А мы на них себе медальки самодельные друг другу вешаем.

Стыдно? Мне да.

У меня есть смешной почетный знак от МО РФ: «За активный поиск». Поиск чего? Может, я водку бегал искать? Или баб?

Не…

С другой стороны: «Активному участнику поиска защитников Родины, павших в 1941–1945 гг.».

И удостоверение еще есть. Я этот знак вешаю только перед журналюгами. Чтоб красивее выглядеть. В остальное время стыдно. Да и перед репортерами-то стыдно…

А многим нет.

Гремят броней золотисок на похоронах. Друг другу медальки дают. Грамоты. И все время — подбородком в небеса — да мы, да поисковики, да опасности, да наши павшие, да пока не захоронен последний солдат…

Господи, как же затерли эту суворовскую фразу.

Когда он хоронил своих пацанов под Измаилом и Кинбурном — он знал что говорил. Спросите у нас, у поисковиков — где находится Кинбурн? Да большинству — насрать, когда Измаил брали.

И большинству так же насрать, в чем разница между Гайтолово и Корсунь-Шевченковским.

Большинству — ой, клево! патрончики в костерчик покидать! Ой, клево, я бойца нашел, а мне банка сгущенки положена, да?

Тебе, блин, под задницу пнуть надо…

Со мной и легко и тяжело работать.

Я ухожу утром в девять и прихожу вечером в девять. Я работаю без выходных, бань, экскурсий и вечерних концертов.

Моя работа — копать, копать, копать. И между делом пить

водку, жрать тушенку и спать в тепле.

Никогда я этого не пойму:

— Мы сегодня устали, можно нам баню сделать пораньше?

— Мы завтра едем в Питер!

— А когда будет выходной?

— Ой, я не пойду сегодня работать, у меня месячные...

Сиди дома, дура!

Приезжайте. Я покажу, как работают бабы в поиске.

И не только бабы...

Водос. 1997.

В первое утро мы проснулись под «Хорста Весселя». Во второе — под «Дойчен Зольдатен», в третье...

А в третье утро москвичи собрались и уехали.

Пятеро здоровых мужиков приехали пить водку и врубать на весь лес, пропахший толом и костями, немецкие песни.

Вот опять же... Не надо думать, что я тут такой весь из себя святой. Я тоже пью водку и пою «Лили Марлен». Кстати, хорошая песня...

Если я в болотах от поноса не умру,
Если русский мне снайпер не сделает дыру,
Если я сам не сдамся в плен,
То будем вновь
Крутить любовь
С тобой, Лили Марлен,
С тобой, Лили Марлен.
Лупят ураганным. Боже помоги,
Я отдам Иванам шлем и сапоги,
Лишь бы разрешили мне взамен
Под фонарем
Стоять вдвоем
С тобой, Лили Марлен,
С тобой, Лили Марлен.

Но как бы то ни было.... Главное — идти и работать. Тыкать щупом в землю. Тыкать, тыкать, тыкать...

Увы. Поисковая организация превратилась в пионерский лагерь.

Второстепенное стало первичным...

Жаль. И все чаще появляются мысли — стать черным поисковиком. Ездить самостоятельно. Хоронить самостоятельно.

Обезвреживать самостоятельно.

Спасибо мне за это никто и никогда не скажет.

Да и сейчас-то никто не говорит…

Ах, да… Забыл.

Это мы говорим спасибо. Спонсорам. Ну и нам, иногда. На митингах…

Терпеть ненавижу это:

— Вы делаете такое святое дело!

Нет…

Нет!

НЕТ!

Мы не святые. Поверьте. Мы ездим туда только ради своего удовольствия. Остальные объяснения — от лукавого.

12. ПОИСКОВИКИ И МИЛИЦИЯ

Да что тут рассказывать...

Ничего особенного.

Я уже говорил, есть поисковики черные, есть серые, есть красные.

Типа красные — это мы.

Это те, которые с документами катаются. Дебилы мы...

Интересно. Мне припаяют статью о «дискриминации социальной группы», как это было с блоггером Терентьевым?

1996. Лезно.

С нами стояли курсанты из Пушкинского высшего военного инженерно-строительного училища. Ох, блин, и оторвались они там...

Подрывали всяко-разно-безобразно.

Был там и милиционер-капитан, в чьи обязанности входило отслеживать расход боеприпасов, приемка ВОПов (взрывоопасных предметов) и стволов.

Мы все честно сдавали ему. Когда он был трезв...

А трезв он был, наверное, только по утрам.

Нашли винтовку. Треху. Приклад и цевье, понятно, сгнили. Витек — наш мастер по оружию — снял затвор, вымочил его в масле из-под рыбьих консервов, прочистил ствол, выточил приклад...

Шомпол мы тоже подобрали.

В последний день подарили винтовку местным поисковикам. Патроны тоже были. Стреляли «до усери», как выражалась моя бабушка, Царствие ей небесное.

Не надо волноваться, не надо... Ствол они потом просверлили, говорят, висит в местном музее. Я, правда, не видел, врать не буду. Но говорят.

А мент спал... Спасибо ему, что спал. Он же и рассказывал, как в восьмидесятые годы они приехали по плану антиалкогольной кампании в это же Лезно — изымать самогонные аппараты. Дедок один как раз перепил. Высунул из чердачного окна «Максим» и давай поливать ментов! «Фрицы не пройдут!» — орал. Фрицы-то не прошли который раз, по причине дедовской белой горячки. А вот менты отобрали и пулемет и аппарат. Ну и по шее накостыляли. Как без этого. Погрозили пальцем и уехали. Что с контуженого возьмешь?

В том году я вместе с пушкинскими курсантами увез в «Урале» в Питер мешок железа. Каски там, штыки, гранаты...

Причем гранаты целые. То есть с толом.

Ну и патроны. Куда ж без них.

Приехал. Понес это барахло в местный музей. Сначала там отнекались. Мол, директора нет. Я честно все утащил домой.

А через час за мной пришли...

Слава Тебе Господи, что я родился и вырос с теми пацанами, которые ко мне пришли. А что? Городок-то — тридцать пять тысяч...

Я им все радостно показал: «Вот штык, вот граната!»

Выпили мы тогда много. Очень много. А железо конфисковали. В том числе и тот самый котелок с восемнадцатью фамилиями... У кого-то он сейчас на даче валяется...

1998. Демянск.

Сентябрь это был...

Для многих это ничего не значит. Сентябрь и сентябрь.

Мы в ту ночь ждали поезда до станции Лычково.

А в это время взорвали дом на Гурьянова. Да. Именно в ту ночь. 8 сентября.

Через пять дней взорвут дом на Каширской.

Мы спокойно уехали работать. Мы ничего не знали. И ничего не знали, когда возвращались обратно. Пока не приехали...

Понимаю ФСБ и УВД. Все каналы надо отследить. Но, как обычно, у нас все превращается в фарс.

С того года нас шмонают по-страшному.

2000. Демянск.

Стоим на Московском вокзале в Питере. До отправления — десять минут.

— Ваши документы.

Протягиваю паспорт. Два молоденьких, лет восемнадцати, мента. Стажеры. Рядом кинолог с овчаркой.

У собаки истерика — она исходит слюной, бросаясь на меня, падает на спину, закатывает глаза...

Для нее кошмарный угар пороха, тола и трупов.

— Мы поисковики! — гордо так! — Ребята, мы же свои, мы же...

— Пройдемте!

Рядом пацаны затаскивают рюкзаки в вагон.

— Провожающие, выходим!

— Мужики, поезд... Я командир, вот документы!

— Пройдемте! — железный голос в ответ.

Из поезда, что стоит на другой стороне платформы, выпадывают два пьяных в говно азербайджанца. Или армянина. Или дагестанца. Или... Да не понимаю я в них!

Что они там делали? Тот поезд стоит уже полчаса, если не больше!

Троица ментов кидается в обратную сторону. Забирают под «белы» рученьки кавказцев и уводят. Старший ухмыляется, обернувшись. Я заскакиваю в вагон.

Сашка, белея мордой лица:

— Командир, прости!

Достает из верхнего клапана рюкзака полкило тринитротолуола.

Играю желваками. Прячу взрывчатку в пакет. Жду, жду, жду... Через два часа выкидываю пакет из окна туалета в привыкший ко всему Волхов.

Не люблю ездить с детьми. Следи не следи...

2009. Старая Русса.

Ехали домой уже они. Пересадка в Новгороде. Подходит наш к местным. Пьяный вдрабадан:

— Мужики, а где здесь сортир? Я тут поисковик...

Мужики оказались ментами в штатском.

Тридцать три патрона и «лимонка» в рюкзаке.

Срок...

2001. Волховстрой.

— Рюкзак снимите, пожалуйста.

Снимают рюкзак.

Поездные милиционеры делают обыск — «Антитеррор»! — штык. Три патрона. В рабочей одежде.

Дали девчонке два года условно. Вот так.

Сами виноваты. Не люблю ездить с детьми...

2008. Синявино.

Часа три ночи. Сирена. Выскакивают все из землянок — кто в чем.

Облава.

Менты по периметру лагеря. Обыск в землянках и палатках. Ничего не нашли. Дураки...

Когда копали для себя землянку — подняли две гранаты. Выжгли.

Делается это просто.

Когда поднимаешь гранату — «эфка»-то или «РГД» — немецкие реже встречаются, сначала смотришь, есть там взрыватель или нет?

«Лимонки» — они, если без взрывателя, то с пробкой. «РГ» — там сложнее. Сверху дырочка, закрывается она такой защелочкой. Вот, чтобы понять, есть в этой дырочке взрыватель? — красная палочка, сбиваешь грязь лопаткой. Может и бахнуть, между прочим... Одному так в ягодицу осколком прилетело... Но это другая история!

Если взрывателя нет — технология такая. Откручиваешь пробку (если это «лимонка») или пробиваешь дырочку под ручкой («РГД») и кидаешь в костер.

Ага! Вот так прямо и кидаешь!

Минут через пять-десять тол начинает кипеть и гореть. Полчаса — и он выгорел. Граната готова к безопасному употреблению.

Две «лимонки» или три «РГД» — и восьмилитровый котел вскипел! Впрочем, я это уже писал...

Дома у меня сейчас лежат «ПОМЗ», полтинник и «лимонка».

Минометки так же, кстати, уничтожаются. Надо только посмотреть на донышко — есть ли там удар по капсюлю? Если нет — можно честно снимать ключом взрыватель и в костер!

Вот какой дурак «ПОМЗ» снял и выжег, я не знаю. Я ее в Севастополе пустую нашел. И привез домой. Так же, впрочем, как и немецкую шток-мину. Это такая бетонная хрень, начиненная гвоздями. Какой-то идиот нашел, обезвредил и выбросил. А мы подобрали.

У меня дома нет ничего. Только полный дебил повезет с собой из поиска стволы или мины с гранатами.

Потому как нас пасут от дома до дома.

В любой момент могут приехать и обыскать.

Я к этому уже привык.

И вот она, странность... Можно ехать одному туда. В июне, июле, августе... И вплоть до следующего мая. Тебя не тронут. А вот нас шмонают. Красных по-черному... Ровно так. С двадцать второго апреля по восьмое мая. В это время у ментов

«Антитеррор»...

Потом он заканчивается...

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я не знаю, смог ли я рассказать, что такое для меня война. Для меня — не служившего в армии и никогда не воевавшего.

Для меня и для моих друзей.

Вряд ли смог. Потому что это невозможно рассказать. Я сейчас пишу эти строки, и снова ком в горле. У меня снова сегодня приступ поискового синдрома. Так я это для себя называю. Я не укоряю вас в том, что вы это не можете понять. Мне это и не надо. Более того.

Любой, кто начинает мне сочувствовать и «понимающе» кивать головой, становится для меня — почему?! — врагом. А тот, кто меня начинает хаять за это — того я понимаю... Почему? Я не знаю.

Лучше молчать, да... Так я себя честнее чувствую. Не знаю почему. Не спрашивайте. Иначе мне стыдно. Что так, что так — стыдно. Поэтому — лучше промолчать.

А я все равно — говорю!

Многие ли из вас могут понять — как это? — заходить живым к убитому домой? Я и сам это не понимаю. Я не люблю встреч с родственниками.

Нет. Не так, как это делают офицеры, чьи пацаны легли под бандитскими пулями. Им гораздо тяжелее.

Наши родственники радуются. Радуются тому, что их прадеды — от которых остались лишь редкие фотографии — вдруг нашлись.

Странная вещь эта жизнь...

Есть те, кто плачут, есть те, кто радуются. А есть те, кто выпячивают себя на фоне своих убитых дедов... Есть. Я видел. Не хочу об этом говорить. Но это есть.

Я понимаю. Легче хоронить деда, чем внука. Отца, чем сына.

Если к тебе, читатель, придет поисковик и протянет весточку из прошлого...

Помни. Твой дед погиб пацаном. Он успел малое в своей жизни.

Он не успел слетать в космос или написать книгу. Он мало что успел.

Он успел только сделать твоего отца и поймать в грудь пулю. Пулю, которая не досталась тебе.

Да, да... Именно тебе! Потому что иначе он бы вместе с тобой сгорел бы в концлагере... И никто не знает — как бы этот лагерь назывался? Аушвиц? Балаково? Котельнич?

Не смотрите с ухмылкой на пацанов, одевающих дома

камуфляж. Не стоит. Этот камуфляж — единственное звено между ними и нами.

Не стоит нас понимать. Не надо.

Есть простые вещи в этом мире. Очень простые.

Я.

Ты.

А между нами ведро с костями твоего и моего деда.

Нашего деда.

Знаешь, читатель, я завидую им. Да, именно тем пацанам, чьи куски мы носим в мешках из-под сахара каждую весну. Я завидую им.

У них была жизнь.

У нас вроде бы тоже есть.

Бегаем за деньгами по городам и весям. Пыжимся, стараемся.

Я бы хотел иметь смыслом жизни — поймать ту пулю, которая не достанется другому. Я идиот, правда? Да не стесняйтесь. Я идиот. Я не хочу бегать за баблом. Мне надоело. Я устал выживать. Я хочу жить. Пусть хотя бы одну секунду.

Иногда мне кажется — нет! Это не я! Это не мы! Это не я лежал под танками на Лезнинском плацдарме. Это не я шел в атаку на кинжалы пулеметов под Водосом. Это не я жрал толовые шашки в Демянске. Это не я вытекал кровью в снег под Тверью. Это не я бежал с палкой в руке на Синявинские высоты. Это не меня накрыло минометами на Мекензиевых горах.

Это не меня. Жаль.

Это не нас...

Сны... Почти четыре утра сейчас. Сегодня опять приснится поисковый сон. Я знаю. Я привык к этому. Я чувствую их. Почти под утро я лягу спать. Когда проснусь, первое, что мне захочется — выпить. Потому что...

...— Сержант, ты че, охренел, что ли?

— Не подходить, уроды, не подходить!

Я лежу на сухой, серой от жажды траве. В руках сопло огнемета. Рядом бойцы. Иссохшие языки облизывают черные губы.

— Сержант! Может, обойдется, а? — просит кто-то из толпы почти очумевших рядовых.

В колодце трупы парней, заколотых немцами штыками в госпитале. Мы уже неделю тащимся по балкам прихарьковья. Единственное, что у нас есть — утренняя роса на винтовках... Винтовках без патронов. И только у меня на самом дне ранца остатки горючки...

...— Горит! Смотри, горит! — Парень в новенькой, еще не выгоревшей пилотке тычется в землю, пряча взгляд от

сгорающего в небе «ила».

А я смотрю.

Стиснув зубы и сощурив глаза — я смотрю. Письмо из дома вчера пришло. Братан стрелком сгорел вот так же...

...Смотрю только на руки себе. Из блиндажа вытаскиваем частями — рука, нога, таз...

Еще дымятся мужики. Прямое попадание.

Голова в моих руках. Улыбается мне. Глаза открыты. Кажется, подмигивает.

Обшариваем кровавые, склизкие карманы в поисках документов...

...Молча смотрю на пепелище дома. Мелкий снег падает с сурового русского неба. Между землей и небом болтаются на виселице четыре трупа.

Отец с редкой, седой бородкой.

Мать с лицом, расцарапанным в кровь.

Мальчик и девочка. Десятка еще не выжили...

...Граната шипит и крутится под твоими ногами. Еще миг и взорвется. А я почему-то смотрю на нее. Смотрю и падаю. Нет, не падаю. Ложусь и не успеваю. Не успеваю...

...— Комиссарен, юден, коммунистен! Выйти из строя!

Я не комиссар, не еврей, не коммунист. Но почему-то делаю шаг вперед. Рядом чувствую плечо друга. Плюю в лицо немцу и прыгаю на него. И ловлю автоматную очередь...

...Глажу по головочке маленькую белобрысочку. «Нихт шиссен, нихт шиссен!» — бормочет в кулак ее мать. Я подмигиваю ей. Даю шоколадку девочке. Выскакиваю на улицу. Тупая дура фаустпатрона летит в меня...

Вы думаете, это я вот прямо сейчас придумал?

Вот сел и придумал эти сны?

Думайте, как хотите.

Я после каждого такого сна не могу нормально жить.

Я живу не сегодня и не завтра. Я живу в ту войну, и она мне снится каждую ночь.

Об этом знаю только я, и только я об этом рассказал.

Субъективно. Неправильно. Все не так... Все не так...

Я знаю.

Не хотите — не верьте.

Мне все равно.

Вятка, 2009 г.